

Апофеоз безличного в цифровой реальности

Э. М. Спинова

доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории антропологических учений, Институт философии РАН. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-9730-9124.
E-mail: elvira-spirova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется техническое отношение к человеку в цифровой реальности, приведшее к утрате интереса к его уникальному личностному содержанию. Феномен безличности скрывается уже в самом понятии «цифра», которое является абстрактным, бессмысленным. Современный человек оказывается статистической единицей без индивидуального наполнения, цифровым кодом без имени, сгустком информации без личностного мира. Размышляя о трудностях идентификации, автор статьи обращает внимание на фрагментарность, иллюзорность и краткосрочность индивидуума в дигитальном пространстве, что легко позволяет из разрозненных элементов создавать голограмму, коллаж, тиражировать и клонировать безличное.

Осмысление воздействия феномена техники на многообразие форм человеческого бытия предпринималось многими зарубежными (О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Л. Мамфорд, Э. Юнгер, Ж. Эллюль, Э. Морен, М. Фуко, Ж. Симондон, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Э. Тоффлер, Ж. Бодрийяр, Ю. Хабермас, Э. Агацци, Ф. Фукуяма и др.) и отечественными (В. С. Степин, В. Г. Горохов, В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, В. В. Миронов и др.) исследователями. Но в основу данной статьи положен, прежде всего, философско-антропологический подход к проблеме цифровизации, представленный в работах П. С. Гуревича и Ф. И. Гиренка. Автор также опирался на методологические установки экзистенциализма (С. Кьеркегора, К. Ясперса, В. Франкла и др.) и русской религиозной философии (В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и др.).

Отношение к человеку как техническому устройству породило стремление улучшить, подвергнуть «редактированию» несовершенную человеческую природу. В статье показано, что этот процесс является следствием десакрализации человека и утверждения его апофатического образа. Человек устал быть самим собой и стремится стереть человеческое, отказаться от существования в пользу нечеловеческого другого. Автор подвергает критике попытку реализовать проект единого всеобщего блага, строящийся на принципах избавления человека от собственной сущности. Такому подходу можно противопоставить экзистенциальный взгляд, акцентирующий свое внимание на уникальности бытия человека. Показано, что такие экзистенциальные переживания, как смерть, страдание, болезнь, наполнены сверхсмыслом, который, по мнению В. Франкла, отражает смысл целого (смысл Вселенной, бытия, истории) и в свете которого обретает смысл человеческая жизнь. Человек сталкивается с невозможностью познать сверхсмысл бытия, поскольку он трансцендентен человеческому существованию. Но он не может отказаться от стремления к поиску смысла, ведь в этом случае человек утратит самого себя.

Ключевые слова: человек, личность, цифровая реальность, информация, цифровое имя, нулевая идентичность, «отредактированный человек», анонимность.

«Сбылась беда пророческих угроз,
и темный век бредет по бездорожью.
В нем естество склонилось перед ложью
и бранный разум душу перерос» [22, с. 169].

Человек как статистическая единица. Заснув вчера в технологическом прошлом, мы уже сегодня проснулись в новой цифровой реальности. Обсуждая еще недавно перспективы и высказывая предостережения, нынче мы уже не можем не говорить о последствиях цифровизации для человека, общества и культуры. Цифровая революция набирает обороты. Информация растекается по коммуникационным сетям. И чтобы не отстать от технологически раз-

витых государств, каждая страна стремится как можно быстрее внедрить передовые информационные технологии во все сферы жизни общества. Времени остановиться и осмыслить мир цифровой реальности нет. Однако нельзя не задуматься над тем, что произойдет с человеком, когда реальность оцифрует и его.

Понятие «цифра» происходит от ср.-лат. *cifra* и от араб. *ṣifr*, означающих нуль, пустой. Цифры – знаки, используемые для записи конкретных значений чисел. Цифр, в зависимости от системы счета, принятой в той или иной культуре, разное количество, но оно ограничено, в отличие от чисел, из которых можно составить бесконечное множество. Основное различие цифры и числа в том, что первое понятие абстрактно, это всего лишь знак, а второе выражает количество чего-либо. Цифра равнодушна к содержанию. В этом смысле нельзя не согласиться с Ф. И. Гиренком: человек – это не цифра. Собственно, и приравнять человека к числовым значениям невозможно: «Где присутствует число, там отсутствует смысл. Где отсутствует смысл, там невозможен человек. Числовая философия мира должна либо исключить человека из всех космических процессов, либо признать, что цифра – это носитель чудовищного обмана в мире бесконечно большой информации, тотальной истины» [3].

Но цифровая экономика вся построена на статистике. Количество статистических показателей отчетности во всех областях жизнедеятельности катастрофически возрастает, при этом исчезает потребность в глубоком анализе реальных экономических и социальных проблем. Одной из основных угроз современного мира исследователи все чаще называют огромный поток информации, в котором чрезвычайно сложно выделить что-то ценное. На прошедшем в сентябре 2019 года в Сколково форуме «Merlion IT» Лина Стуков, директор по продажам энергонезависимой памяти и систем хранения Intel, сказала, что «более половины всех существующих сегодня цифровых данных были созданы всего лишь за последние два года. Она отметила, что если человечество будет в дальнейшем создавать цифровые данные такими темпами, то может наступить кризис их обработки, так как на данный момент лишь 2 % из всех цифровых данных проходят анализ» [Цит. по: 13]. Развитие IT-технологий только ускорит процесс накопления данных и создания информационных массивов. Возникает вопрос: зачем? Накопление информации, в том числе в виде статистических показателей, в наше время стало самоцелью. И даже если сейчас информацию нельзя монетизировать, то уже завтра она может стать источником дохода и власти.

Жан Бодрийяр, характеризуя современную реальность как транспарентную и обцененную¹, обращает внимание на место информации в бессобытийном мире. Вторжение транспарентности стало концом тайны. Вторжение обценности привело к «полноте, зияющей своей пустотой» [2, с. 74]. Французский философ отмечает: «Многое обценно, потому что имеет слишком много смысла, потому что занимает слишком много места. Таким образом, многое достигает запредельной репрезентации истины, то есть апогея симулякра» [2, с. 78].

Методы сбора и использования информации – опрос, мониторинг, таргетинг и др. – Бодрийяр считает чистой обценностью, испражнениями, непрерывным выделением. «Это обценность модификации, это дикая ликвидность знаков, ценностей, это тотальная экстрасверсия поведения в сторону операциональности... Чистая и обезличенная обценность опросов общественного мнения и статистики – массы должны раскрыть свою тайну, даже если ее у них нет. Весь мир должен раскрыть свою тайну, преодолеть порог молчания и войти в имманентное пространство коммуникации, туда, где стирается даже минимальное пространство взгляда» [2, с. 81].

Казалось бы, такое обилие данных должно привести к лучшему пониманию общественных процессов и настроений, стать основой для научного анализа. Но отнюдь... Развитие технологий привело к их автоматизации и ускользанию от политической и научной власти, о чем писал французский философ Поль Вирлио [27]. Механическое мышление вытесняет осознанное, творческое. Произошла автоматизация мысли, символом которой стал компьютер. Сегодня большая часть решений, в том числе на государственном уровне, принимается механически, с опорой лишь на статистику, тогда как раньше для этого правителю необходимо было мыслить государственно, обладать политическим чутьем, интуицией. Аналогичную тенденцию мы наблюдаем и в медицине. Если раньше семейный врач опирался на собственные знания, профессиональное чутье и реакции пациента, то сегодня технологически опосредованный меди-

¹ Обценность в работах Ж. Бодрийяра означает не только «непристойность» или «неприличность», но и неуместность, неприценность (т. е. отсутствие сцены).

цинский взгляд сфокусирован главным образом на результатах мониторинга состояния больного. А завтра врача заменит искусственный интеллект, способный быстрее и точнее анализировать данные о здоровье, ставить диагноз и предлагать лечение, поскольку реальный пациент с его субъективными ощущениями вообще перестанет кого-либо интересовать.

Человек в наше время оказался частью статистики. Он потерял свой лик и перестал восприниматься как уникальная единица, насыщенная неповторимым содержанием. Чтобы узнать что-то о человеке, мы собираем о нем информацию. Пишем биографию человека по его цифровым следам [24; 25]. Но между человеком и информацией о нем, сколь бы полной она ни была, – огромная дистанция. Также как, собственно, и между статистическими данными и реальными процессами. Переставая быть особенным, отличным, человек оказывается наделенным признаками, по которым он схож с целым рядом других людей. Их можно объединить в группы и пересчитать. При этом человек утрачивается как целое, не равное сумме частей. Он становится числом, состоящим из ограниченного количества цифр. Все особенные детали при этом стираются.

Такой человек легче поддается копированию, трансформации. Так, размышляя над переходом от Человека к Постчеловеку, С. С. Хоружий пишет: «В первую очередь при тотальной трансформации человека, концентрирующейся на апгрейдинге разума, оказываются под угрозой интегральные характеристики и проявления Человека: такие, в которых он выступает как единое целое, с участием всех измерений человеческого существа и всех уровней его организации, соматики, психики и разума. Сюда относятся характеристики, выражающие способ бытия человека или, в терминах Хайдеггера, экзистенциальные предикаты (каковы бытие-к-смерти, забота, тревога и др.); любовь; интерсубъективные проявления, образующие сферу общения; эстетические восприятия; и проявления из религиозной сферы. Добавим, что есть и такие проявления, не обязательно интегральные, в которых многие и разные стороны Человека соединены, слиты между собой в тонком, неуловимом и невозпроизводимом сочетании. На подобных сочетаниях строится духовная, художественная, эмоциональная жизнь человека, на их основе возникают особые миры человеческого существования, культура переживаний и чувств, художественная и духовная культура... Как принято считать, именно в этих феноменах выражается сама квинтэссенция человеческого как такового, Человек в его уникальном своеобразии во Вселенной» [17, с. 8].

Как же не потерять конкретного человека в ряду статистических единиц? Специалисты по IT-технологиям предлагают простые способы уникальной цифровой идентификации. Человеку в цифровой реальности будет принадлежать личный номер, персональный биометрический код или цифровое имя – ID человека. Цифровая экономика уже встала на этот путь, апробируя разные мультимодальные механизмы аутентификации и идентификации личности (например, аккаунт, номер мобильного телефона, адрес электронной почты, логин с СМС-паролем и т. п.). Однако остается еще проблема универсального языка цифровой идентификации человека, который можно будет использовать в глобальном масштабе. Решить ее в самое ближайшее время предлагается «...путем алгоритмизированной нумерации людей, т. е. присвоения каждому человеку личного числового кода или цифрового имени» [20].

Радостно приветствуя этот процесс, исследователи пишут: «Унификация имени человека долгое время выглядела утопией, бесполезной, аморальной и антирелигиозной идеей. Возможно, настало время перемен» [20]. Ведь имя, данное родителями при рождении, не уникально даже в дополнении с фамилией и отчеством, тогда как в будущем к нему прибавится числовой код, который упростит процесс взаимодействия в информационном пространстве и сделает каждого индивидуума однозначно узнаваемым.

Предлагается также для идентификации человека использовать перекрестную систему твердых аккаунтов (Госуслуги, социальные сети, линкедин, личные кабинеты и т. д.), которая и будет в своем единстве символизировать цифровую личность человека. Осталось только проработать правовые аспекты решения этой задачи, считают исследователи.

Уже сегодня, например, идентификация автора научной статьи в формализованных отчетах Минобрнауки РФ осуществляется не только по имени, но и по четырем последним цифрам его страхового номера индивидуального лицевого счета (СНИЛСа). Когда так было? Завтра человек будет вынужден создавать личные кабинеты на определенных порталах, аккаунты в социальных сетях и т. п., как сегодня получать паспорт, СНИЛС, ИНН или использовать мобильный телефон и электронную почту.

В рамках технологически выстроенной системы мышления все логично и оправданно. Создается даже видимость персонализированности, обобщения и накопления знаний о кон-

кретном человеке, которые никогда не были доступны в таком объеме и концентрированном виде. Однако цифровой код человека – лишь иллюзия уникальности. Имя – это судьба. В православной традиции имя выбирали по святым, называли в честь близких, видя их продолжение в детях. Это был сакральный процесс. Назвать же процесс присвоения номера сакральным – невозможно.

Вспоминается роман-антиутопия Евгения Замятина «Мы» [10], по парадоксальному стечению обстоятельств написанный ровно 100 лет назад, в 1920-м году. Произведение, по словам автора, должно было стать «сигналом об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства – все равно какого...» [26]. Предостережения мы не услышали и уже сегодня (гораздо раньше, чем это прогнозировал Замятин) практически воплотили в реальность все самые страшные прогнозы. Это мы – пустая, безликая масса, живущая в мире из стекла и бетона. Мы – жители Единого Государства, которые различаются только по номерам-индексам. Вся наша жизнь подчинена рациональным основаниям и просчитана с помощью математических действий. Мы представляем собой «...счастливого среднее арифметическое, обезличенное, лишенное индивидуальности» [12, с. 156]. Мы не обладаем для государства никакой ценностью и легкозаменяемы. Мы существуем в обществе жесткого тоталитарного контроля, где произошла общая универсализация и утрачена духовность, а образ всевидящего Благодетеля вызывает страх. У нас «отдельным номерам, проявившим склонность к самостоятельному мышлению, проводится Великая Операция по удалению фантазии» [12, с. 156]. Неужели не только наша цивилизация видит угрозу во всяком личностном проявлении, но и мы утратили потребность быть личностью со своим уникальным внутренним миром? А ведь, как показал опыт тоталитарных режимов XX века, это прямой путь к гибели. Вытравление личностного начала в концентрационных лагерях, превращение человека в безгласное орудие, действующее только по команде, неминуемо приводит к смерти.

Идентификация в цифровом мире. Персоналистическая идея сегодня подвергается серьезному переосмыслению. Личность как высшая духовная ценность, наделенная целостным, ответственным и аутентичным сознанием, нравственным началом и социальностью, критикуется уже на уровне физиологии. Исследования показывают, что человеческий мозг не имеет единого центра, сознание расщеплено, восприятие мира хаотично, коллажно.

П. С. Гуревич отмечает: «Мы живем в эпоху дробления целого. Физикам удалось не только расщепить атом, но и собрать Вселенную из разрозненных фрагментов. Биологи практически расшифровали геном. Физиологи обнаружили сложную структуру мозга, которая отнюдь не рассматривается как некая целостность. <...> Теперь настала пора “раздербанить” индивидуальность. Она вовсе не является неким единством. Собрать на время индивидуальность можно путем комбинаторики различных фрагментов. Но такая целостность иллюзорна, краткосрочна. На практике же каждый человек пытается раскрыть свой собственный потенциал, сближаясь при этом с общепризнанными стандартами. Он ищет своей реализации в конкретной ситуации, которая сама по себе не является образцовой, эталонной» [7, с. 49–50].

П. К. Гречко описывает постмодернистского индивида, который оказывается растворен, рассеян в мире социальных взаимодействий и человеческой коммуникации. «Постмодерн рушит старое понимание идентичности как тождественности, превращаясь в средство артикуляции (и радикализации – в форме притязания на значимость) самости. <...> В результате идентичность конституируется как процессуальное различие, коммуникация различий – индивидуального и социального» [4, с. 185]. Идентичность при этом оказывается краткосрочным проектом, опирающимся на ризоматическую неопределенность социальной ситуации и на комбинаторные возможности конструирования индивидом самотождественности.

Другой отечественный исследователь А. Г. Дугин пишет о появлении нового персонажа – «дивидуума». «Если в модерне, – отмечает он, – индивидум был неделим, то сейчас возникнет новая фигура, которую можно назвать дивидуум, т. е. “человек делимый”. Это как раз соответствует процессу дигитализации и обозначает, что человеческое единство, которое было сутью модерна, распадается на части. Анализируется отдельно глаз, отдельно печень, отдельно брови, отдельно мозг и пр. Возникает некоторая собираемая и разбираемая виртуальная голограмма человека. Если расчленишь и изучить подробно человеческое существо, то мы увидим, что это не что иное, как система эмоций, система раздражений, система клеток, реакций и, соответственно, виртуальная машина» [9, с. 20–21]. Дивидуум может быть подвергнут деконструкции, скопирован и сконструирован заново. Он фрагментарен, его трудно

ухватить как целостность, зато его частями легко манипулировать, создавая новые и новые антропологические констелляции.

Открытость человека по отношению к другому сыграла с ним злую шутку. Индивид, выстраивая в процессе идентификации образ самого себя, обращается за подтверждением к другому, но наталкивается лишь на безличные социальные позиции. Субъекта нет, он растворился, утратил индивидуальное содержание. Ж. Бодрийяр считает, что человек, лишившись гаранта самотождественности, превратился в ризому, «коллаж идентификаций». Произошла подмена идентификации позиционированием. Безличное подверглось тиражированию и клонированию. И если идентичность как понятие всегда фиксировало некую особость внутри несомненной множественности, то сегодня в философской литературе появилось новое понятие – нулевой идентичности. Оно отчетливо выражает процесс разрушения индивидуальной и групповой идентичности, появления «коллага идентификаций» и утраты самой потребности в самотождественности (подробнее см.: [8, с. 315–331]).

Итак, цифровая реальность превратила человека в существо безликое и расчлененное на множество несвязанных частей. Даже собственный опыт перестал быть связан с телом. В виртуальном мире человек живет иллюзорной жизнью, оторванной от жизни реальной. Анонимность здесь – одна из основных характеристик, приносящая человеку определенные дивиденды. Но анонимность в интернет-пространстве уже давно показала и свою оборотную, негативную сторону. «Чем больше мы проводим времени там, где анонимность является преимуществом, тем меньше чувствуем ответственность, теряя связь между собой и своими действиями. Анонимы, особенно в группах, склонны вести себя по образу жестокой толпы, агрессивно, жестоко, бездушно. Отсутствие ответственности будит в людях худшее – и бороться с этим искушением необходимо с помощью деанонимизации. Более того, вербальное общение составляет лишь 7 % от всего межличностного общения; жизнь внутри такого урезанного мира лишена привычных человеческих черт (“цифровые подростки”, к примеру, крайне редко извиняются за свои действия и склонны к разного рода эксгибиционизму). Деанонимизация, ассоциация себя со своими словами, ведет к освобождению и более полноценной жизни» [11]. Только насколько можно достичь деанонимизации в условиях разрастания интернет-пространства?

Даже программисты и создатели социальных сетей сегодня обращают внимание на негативные последствия влияния интернета на человека. Разработчик операционной системы Linux Линус Торвалдс отметил, что «...в интернете никто не слышит, как вы уникальны. Когда вы не говорите с кем-то лицом к лицу, то вы упускаете обычные социальные сигналы, легко не заметить юмор и сарказм, и так же легко не заметить реакцию собеседника. Отсюда мы получаем “флейм” (длительный спор ради спора в интернете, когда повод уже не важен), который невозможен при личном общении. Добавьте сюда анонимность, и это становится просто отвратительным» [Цит. по: 13].

Информация в интернет-пространстве представлена в виде гипертекста, ветвящегося и выполняющего действие по запросу. Это бесконечный мир «обезличенных» слов, мир без субъекта. Он принципиально не систематичен, не завершен, многоголосен. И человек научился жить в этом мире текстов без автора, мнений без носителей, теряя потребность увидеть за словом уста, их произносящие. Постоянно гудящий интернет-улей уже давно не позволяет разобрать гул отдельной пчелы...

«Отредактированный» человек. Современные исследователи констатируют: «Мир охватила мания пересотворения человека. Речь шла об улучшении человеческой природы, но то, что произошло за последние десятилетия, не имеет аналогов в истории философии. Само размышление о человеке стало технологичным. <...> Отныне человек просто конструируется, как и любой механизм с учетом новейших эпистемологических открытий, технологических новшеств, социального воображения» [6, с. 329]. Появились специалисты, готовые предложить на выбор каждому индивиду реконструкцию его бытия. Образовался отряд прорабов переделки человека по лекалам машины.

Уже само слово «редактирование» подразумевает техническую, машинную логику. Кроме того, редактирование предполагает не только улучшение, совершенствование, но включает в себя и необходимость подогнать под определенные критерии, соответствующие правила. Когда мы говорим о «редактировании» человека, мы неминуемо задаемся вопросами: каковы критерии улучшения человеческой природы? кто должен определить эти критерии? можно ли считать их желанными для всех людей на земле? сделают ли они будущего человека счастливым? не приведут ли эти изменения к неконтролируемым последствиям?

Размышления о человеке в сценариях будущего осложняются тем, что он сам выступает в качестве вершителя собственной судьбы. «Еще не успели разобраться в тайных белковой жизни, как специалисты чаруют нас возможностью перехода сознания на кремниевый носитель. <...> Сегодня, когда трансгуманисты уже даже и не спрашивают, чем может стать человек, это не может не вызвать серьезных опасений. Они предлагают такой веер неотложных трансформаций, что хочется немедленно парашютировать в другую антропологическую реальность. Но в том-то и беда, что трансгуманисты страшно далеки от идеи, которая позволила бы человеку самостоятельно конструировать собственный жизненный мир. Индивид еще и не понял, хочет ли он стать кибернавтом, а технологии уже опутали его с ног до головы. Ни о каком разнообразии человеческого бытия нет и речи. Новый образ человека обладает такой принудительной мощью, что выбор жизненного мира оказывается просто фикцией» [6, с. 330].

На сегодняшний день, говоря о критериях преобразования, улучшения человеческой природы, исследователи имеют в виду следующее:

- цифровое бессмертие, замедление процесса старения;
- редактирование генома, избавление человечества от заболеваний;
- улучшение человеческой функциональности (качеств интеллекта, памяти и т. п.);
- создание сверхчеловека, редактирование человеческих качеств (нравственных и др.).

Все эти программы улучшения, «редактирования» человека изначально исходят из трех посылок: во-первых, человек – существо уязвимое, несовершенное и нуждается в «пересотворении»; во-вторых, человек не способен в рамках собственных человеческих возможностей преодолеть эту ограниченность, неполноценность, для этого ему требуется вмешательство в природную программу; и наконец, в-третьих, человек может превзойти самого себя и, подобно Богу, создать более совершенное творение. Уже в этих послылках скрывается ряд противоречий, на которые многократно указывали разные исследователи. С одной стороны, человек неполноценен, с другой – он может пересотворить самого себя, вмешаться в Божественный замысел и превзойти его. Другой парадокс связан с тем, что человек имеет слабое представление о собственной природе и возможностях. Ни расшифровка генома, ни изучение человеческого мозга не позволили ответить и на сотую долю вопросов о природе человека. Мы снова, не имея целостного представления, пытаемся корректировать отдельные части, толком не понимая, к каким последствиям это приведет.

Но в свете рассмотрения проблемы обезличенности, меня в большей мере беспокоит попытка навязать человеку принципы всеобщего блага, которое почему-то должно быть одинаково желанным для каждого. Уже заранее, неизвестно кем, оказывается признано, что замедление процесса старения и достижение бессмертия – это благо, избавление человечества от всех заболеваний – жизненная необходимость, улучшение функциональных характеристик человеческого мозга и редактирование генома – путь к совершенству. Однако это совсем не так.

Можно ли считать бессмертие благом? Хочет ли человек жить дольше и отодвинуть процесс старения как можно дальше? Полагаю, что это часто совсем не так. Вспоминается Агасфер, обреченный скитаться из века в век до Второго пришествия Христа. Сюжет наказания бессмертием оказался очень востребованным в культуре. Но его совершенно забыли в современном постсекулярном мире.

Конечно, человеку трудно примириться с конечностью своего существования. Но все же отношение к смерти бывает различным. И это всегда обостренно личностное отношение. Смерть придает осознанность человеческому существованию, тогда как бессмертие способно лишить человеческую жизнь наполненного, осмысленного содержания. «Вечная, нескончаемая жизнь по существу лишает человека ответственности за свое бытие. Сегодняшнее предательство искупается бесконечностью жизни. Проявленное мужество может казаться банальным перед безграничностью веков. Утрачиваются критерии, которым подчиняется человеческая жизнь: не все ли равно, как жить, еще будет время пожить иначе. Осколется внутренний мир человека: трагизм существования заменяется вечным наличием» [5, с. 257].

Австрийский философ-экзистенциалист Виктор Франкл, проведенный в концлагерях в период Второй мировой войны 2 года и 7 месяцев и выживший, был убежден, что главной проблемой является не смерть, а бессмысленность человеческой жизни. По сути, отсутствие смысла и есть смерть. Человек может ощутить дыхание смерти задолго до того, как умрет его тело. Утратив вкус к жизни, он уже не живет, а существует.

В современном мире люди все чаще переживают экзистенциальные кризисы, сталкиваются с необходимостью полностью переосмыслить свое существование, а подчас и теряют интерес к

жизни. Но для таких людей гуманная европейская цивилизация предлагает прекрасный выход – эвтаназию. Нидерланды, да и некоторые другие европейские страны, уже сегодня не только разрешают эвтаназию для тяжелобольных людей, страдания которых невыносимы и не предполагают другой альтернативы, но и рассматривают возможности разрешить уход из жизни без всяких медицинских заключений. «Уже который год в либеральной стране обсуждают поправки к закону, позволяющие преждевременно умереть и здоровым гражданам. Так прозвучала идея об уходе из жизни тех, кому просто скучно. Авторы закона – министры юстиции и здравоохранения Нидерландов – говорили об обязательной мере, добавляющей свободы гражданам. При этом законопроект был одобрен большей частью парламента» [18]. Такова свобода выбора...

Что же касается желания не стареть, оставаться молодым. Казалось бы, все люди стремятся к этому. Но и это не так. Массовое поклонение культу молодости – это только мода, которая начинает проходить. Все чаще и убедительнее звучат сомнения во всесии искусственно созданного фетиша. (В клиническом варианте его называют синдромом Дориана Грея.) Сегодня больше говорят о естественной красоте в любом возрасте и молодости как состоянии души. Зрелость и даже старость тоже привлекательны и желанны. Тем более что возрастные границы из-за роста уровня жизни, изменения показателей смертности и прочих данных постоянно сдвигаются. Кроме того, по данным социологических исследований, подавляющее большинство европейцев считают, что молодость перетекает в зрелость лишь 55 годам, а пожилой возраст наступает после 70 лет. Надо сказать, что европейцы отлично подтверждают это личным примером и, чтобы не быть голословными, ведут весьма активный образ жизни. В любом возрасте человек хочет выглядеть лучше, но это не означает моложе собственных лет.

А что же цифровое бессмертие, которое готово предложить человеку существование вне времени и пространства? «Само цифровое бессмертие как таковое также представляется весьма сомнительным, ибо цифра в данном случае лишь *отсылает* к бытию, но не обозначает его и тем более не заменяет – особенно если иметь в виду сложную “для обозначения” специфику свойств и характеристик человеческой *природы*. <...> Однако человек, согласившийся на оцифровку... самого себя, по версии трансгуманистов должен становиться бессмертным, ... – по сути же, становится постчеловеком, ибо не может умереть то, что, *отказавшись* от своей исходной естественной *природы* (но и не приобретя какой-то иной), просто уже, собственно, и не живет. Ибо даже бесконечное перемещение по компьютерным сетям неких бессмертных “информационно-технических вирусов” может означать лишь некую изощренно организованную смерть самого человека как особого природного феномена» [19, с. 458].

Вернемся к другой, весьма благородной идее избавить человека от болезней и телесных страданий путем редактирования генома. Но любой болезни присущ определенный смысл. Об этом пишут многие экзистенциалисты, в том числе и С. Кьеркегор [14], К. Ясперс [23], В. Франкл [21]. Франкл считал, что, столкнувшись с участью больного, через свое отношение к этой участи человек способен принять судьбоносную значимость страдания и реализовать тем самым высшую ценность [21, с. 101–102]. Австрийский психолог наделяет болезнь сверхсмыслом, смыслом самим по себе. Болезнь в этом случае может стать экзистенциальным событием, пограничной ситуацией, ситуацией выбора. Болезнь ставит границы человеческой экзистенции, и основное желание человека – выйти за эти границы. Этот выход сопровождается качественными изменениями личности, переоценкой ценностей, изменением цели и образа жизни. Экзистенциальный выбор способствует облегчению и наполнению жизни новым смыслом, т. е. оздоровлению. То же можно сказать и о смертельных заболеваниях, с которыми человечество сталкивается на протяжении всей истории. На смену одному смертельному заболеванию, с которым врачи начинают справляться, приходит другое. Мы научились бороться с чумой, люди стали умирать от туберкулеза. Мы побороли его – человечество узнало, что такое СПИД. Как только и эту болезнь научились контролировать, люди стали массово болеть раком. Есть надежда, что человечество задумается над тем, какой сверхсмысл несут посланные нам испытания.

Если посмотреть на феномен болезни с экзистенциальной точки зрения, то ответ на вопрос, стоит ли заблаговременно, посредством вмешательства в природу человека, избавлять его от всякого рода телесных страданий, уже не покажется нам столь однозначным.

Еще один аспект рассмотрения проблемы – попытка усовершенствовать человека, расширив возможности его интеллекта, памяти и других психических функций. Но человек создан удивительным образом, границы его возможностей до сих пор не удалось определить. Это не означает, что человек – создание совершенное. Однако очевидно, что он обладает уникальными возможностями адаптации, взаимозаменяемости, пластичности многих психиче-

ских процессов. И стоит ли уподоблять эти процессы машинным, считая их идеальным образцом? Ведь человеческий мозг, далеко еще не освоенный, представляет собой живой развивающийся субстрат, способный многообразно и многократно перестраиваться, приобретать и развивать новые возможности и функции.

И напоследок, наиболее сомнительная затея – «редактирование» личностных качеств человека. Категории нравственности, духовности сложнее всего вписываются в систему технологического мышления. Тем более не приходится говорить о возможностях искусственного вторжения в мир исключительно человеческого.

Итак, на наш взгляд, осмысление волонтаристских проектов пересотворения человека требует не только философской рефлексии, но и построения альтернативных проектов бытия человека, базирующихся на его экзистенциальном выборе. А экзистенциальный выбор всегда личностен. Он не может опираться на представление о всеобщем счастье, скроенном по единому лекалу, и не может обойтись без мучительного самоопределения каждого человека.

* * *

Сегодня нас захватила логика компьютерных технологий, обезличенной информационной среды. Но можем ли мы принять такую реальность, где человек оказывается стерт, растворен в мире таких же безликих Других?

В свое время польский писатель и философ Ежи Лец предрек человечеству наступление времени, когда техника достигнет такого состояния совершенства, что человек сможет обходиться вообще без самого себя [15, с. 71]. Возможно, мы уже приближаемся к этому времени... Поэтому, на наш взгляд, сегодня чрезвычайно важным является обращение к идеям неисчерпаемости человеческой субъективности и значимости гуманизма.

В рамках статьи мы попытались показать влияние цифровизации на человека, приводящее к утрате личностного начала и превращению его в статистическую единицу, и противопоставить захватившему нашу культуру машинному ходу рассуждений экзистенциальный взгляд на человека.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : ПОСТУМ, 2015. 240 с.
2. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / пер. с фр. А. Качалова. М. : РИПОЛ классик, 2017. 288 с.
3. Гиренок Ф. И. Человек – это не цифра // Завтра. 2018. 23 июня. URL: http://zavtra.ru/blogs/uroki_digital_noj_filosofii (дата обращения: 03.12.2019).
4. Гречко П. К. Идентичность – постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории : научный альманах. Т. IV / под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. М. : Междисциплинарное общество социальной теории, 2010. С. 171–190.
5. Гуревич П. С. Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2018. 496 с.
6. Гуревич П. С. Новые книги наших коллег // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. XVII. Вып. 3–4 (№ 87–88). С. 329–338.
7. Гуревич П. С. Психологический анализ личности. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2011. 400 с.
8. Гуревич П. С., Спирина Э. М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.
9. Дугин А. Г. Человек в мире постмодерна: постгуманизм // Модели человека в современной философии и психологии : сб. материалов Всероссийской конф. 18–19 мая 2005 г. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2006. С. 5–23.
10. Замятин Е. И. Мы : роман. СПб. : Азбука, 2014. 219 с.
11. Калашников М. Дуглас Рашкофф. 10 особенностей цифрового мира. URL: <https://newspaper.org/2013/01/16/duglas-rashkoff-10-osobennostej-cifrovogo-mira> (дата обращения: 28.10.2019).
12. Крючков В. П. «Еретики» в литературе: Л. Андреев, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Булгаков. М. : Лицей, 2003. 288 с.
13. Кучер Е. Всемирный день информации: Почему до катастрофы человеку остался всего один шаг. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Fvsemirnyj-den-informacii-rochemu-do-katastrofy-cheloveku-ostalsja-vsego-odin-shag_227616 (дата обращения: 06.12.2019).
14. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М. : Академический проект, 2014. 160 с.
15. Лец Станислав Еже. Непричесанные мысли. СПб. : Кристалл, 2001. 173 с.
16. Миронов В. В., Сокулер З. А. Тоска по истинному бытию в цифровой культуре // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2018. № 1. С. 3–22.
17. Постчеловек и постчеловечество: будущее цивилизации или ее конец? (Круглый стол) / С. С. Хоружий [и др.] // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 1–75. DOI: 10.18384/2224-0209-2016-3-757. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/757> (дата обращения: 11.10.2019).

18. *Потанова А.* Смерть по вызову: что говорят об эвтаназии в Европе // Метро. 2020. 20 января. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.metronews.ru%2Fcolumnisty%2Freviews%2Fsmert-po-vyzovu-chto-govoryat-ob-evtanazii-v-evrope-1633528%2F> (дата обращения: 20.01.2020).
19. *Самохвалова В. И.* Человек и творчество. Путь взаимостановления и взаиморазвития. М. : Новые авторы, 2018. 552 с.
20. *Тагиров З. И., Торопов Б. А.* ID человека: основа межгосударственного нумерованного учета населения и идентификации личности в целях моделирования транснациональных террористических и экстремистских сетей // Вопросы безопасности. 2017. № 2. С. 86–103. DOI: 10.7256/2409-7543.2017.2.22708. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22708 (дата обращения: 15.10.2019).
21. *Франкл В.* Человек в поисках смысла : сборник / пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
22. *Чичибабин Б.* В стихах и прозе / подгот. Л. С. Карась-Чичибабина, Л. Г. Фрирман. М. : Наука, 2013. 567 с.
23. *Ясперс К.* Разум и экзистенция / пер. с нем. А. К. Судакова. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.
24. *Díaz D., Boj C.* Artistic practices in the age of the datacene data biography: Digital traces to biographically explore personal identity // Artnodes. 2019. № 24. Pp. 121–133.
25. *Hinds J., Joinson A.* Human and Computer Personality Prediction From Digital Footprints // Current Directions in Psychological Science. 2019. № 28 (2). Pp. 204–211.
26. *Lefevre F.* Une heure avec Zamiatine // Les Nouvelles Littéraires, 23 april 1932.
27. *Virilio P.* The Information Bomb. London: Verso, 2000. 145 p.

Apotheosis of the impersonal in digital reality

E. M. Spirova

Doctor of Philosophical Sciences, chief researcher, head of the section on the history of anthropological studies,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-9730-9124. E-mail: elvira-spirova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the technical attitude to a person in digital reality, which led to the loss of interest in his unique personal content. The phenomenon of facelessness is already hidden in the very concept of "figure", which is abstract, meaningless. Modern man is a statistical unit without individual content, a digital code without a name, a bundle of information without a personal world. Reflecting on the difficulties of identification, the author of the article draws attention to the fragmentary, illusory and short-term nature of the individual in the digital space, which makes it easy to create a hologram, collage, replicate and clone the impersonal from disparate elements.

Understanding the impact of the phenomenon of technology on the variety of forms of human existence was undertaken by many foreign (O. Spengler, H. Ortega y Gasset, K. Jaspers, M. Heidegger, L. Mumford, E. Junger, J. Ellul, E. Morin, M. Foucault, J. Simondon, J. Deleuze, F. Guattari, E. Toffler, J. Baudrillard, Y. Habermas, E. Agazzi, F. Fukuyama, etc.) and domestic (V. S. Stepin, V. G. Gorokhov, V. I. Arshinov, V. G. Budanov, V. V. Mironov, and others) researchers. But this article is based primarily on the philosophical and anthropological approach to the problem of digitalization, presented in the works of P. S. Gurevich and F. I. Girenko. The author also drew on the methodological principles of existentialism (S. Kierkegaard, K. Jaspers, V. Frankl, etc.) and Russian religious philosophy (V. S. Solovyov, N. A. Berdyaev, etc.).

The attitude to man as a technical device gave rise to the desire to improve, to "edit" the imperfect human nature. The article shows that this process is a consequence of the desacralization of a person and the approval of his apophatic image. Man is tired of being himself and seeks to erase the human, to give up existence in favor of the non-human other. The author criticizes the attempt to implement the project of a single universal good, which is based on the principles of getting rid of one's own essence. This approach can be contrasted with an existential view that focuses on the uniqueness of human existence. It is shown that such existential experiences as death, suffering, and illness are filled with super-meaning, which, according to V. Frankl, reflects the meaning of the whole (the meaning of the Universe, being, and history) and in the light of which human life becomes meaningful. Man is faced with the impossibility of knowing the super-meaning of being, since it is transcendent to human existence. But he can not give up the desire to search for meaning, because in this case the person will lose himself.

Keywords: person, personality, digital reality, information, digital name, zero identity, "edited person", anonymity.

References

1. *Baudrillard J.* *Simulyakry i simulyacii* [Simulacra and simulation] / translated from the French by A. Kachalova. M. POSTUM. 2015. 240 p.
2. *Baudrillard J.* *Fatal'nye strategii* [Fatal strategies] / translated from the French by A. Kachalova. M. RIPOL Klassik. 2017. 288 p.

3. Girenok F. I. *Chelovek – eto ne cifra* [Man is not a figure] // Tomorrow. 2018. June 23. Available at: http://zavtra.ru/blogs/uroki_digital_noj_filosofii (date accessed: 03.12.2019).
4. Grechko P. K. *Identichnost' – postmodernistskaya perspektiva* [Identity – postmodern perspective] // *Voprosy social'noj teorii : nauchnyj al'manah. T. IV – Questions of social theory : scientific almanac. Vol. IV* / ed. by Yu. M. Reznik and M. V. Tlostanova. M. Interdisciplinary society of social theory. 2010. Pp. 171–190.
5. Gurevich P. S. *Klassicheskaya i neklassicheskaya antropologiya: sravnitel'nyj analiz* [Classical and non-classical anthropology: comparative analysis]. M. : SPb. Center for humanitarian initiatives, Petroglyph. 2018. 496 p.
6. Gurevich P. S. *Novye knigi nashih kolleg* [New books of our colleagues] // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo – Personality. Culture. Society*. 2015. Vol. XVII. Is. 3–4 (No. 87–88). Pp. 329–338.
7. Gurevich P. S. *Psihoanaliz lichnosti* [Psychoanalysis of personality]. M. Institute of general humanitarian research. 2011. 400 p.
8. Gurevich P. S., Spirova E. M. *Identichnost' kak social'nyj i antropologicheskij fenomen* [Identity as a social and anthropological phenomenon]. M. Canon+ : ROOI "Rehabilitation". 2015. 368 p.
9. Dugin A. G. *Chelovek v mire postmoderna: postgumanizm* [Man in the postmodern world: posthumanism] // *Modeli cheloveka v sovremennoj filosofii i psichologii : sb. materialov Vserossijskoj konf. 18–19 maya 2005 g. – Human models in modern philosophy and psychology : collection of materials of the all-Russian conference May 18–19, 2005*. Novosibirsk. Novosibirsk State University. 2006. Pp. 5–23.
10. Zamyatin E. I. *My : roman* [We : novel]. SPb. Azbuka. 2014. 219 p.
11. Kalashnikov M. *Duglas Rashkoff: 10 osobennostej cifrovogo mira* [Douglas Rushkoff. 10 features of the digital world]. Available at: <https://newreporter.org/2013/01/16/duglas-rashkoff-10-osobennostej-cifrovogo-mira> (date accessed: 28.10.2019).
12. Kryuchkov V. P. *"Eretiki" v literature: L. Andreev, E. Zamyatin, B. Pil'nyak, M. Bulgakov* ["Heretics" in literature: L. Andreev, E. Zamyatin, B. Pilnyak, M. Bulgakov]. M. Lycej. 2003. 288 p.
13. Kucher E. *Vsemirnyj den' informacii: Pochemu do katastrofy cheloveku ostalsya vsego odin shag* [World information day: Why there is only one step left before the catastrophe]. Available at: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Fvsemirnyj-den-informacii-pochemu-do-katastrofy-cheloveku-ostalsya-vsego-odin-shag_227616 (date accessed: 06.12.2019).
14. Kierkegaard S. *Bolezn' k smerti* [Illness to death]. M. Academicheskij project. 2014. 160 p.
15. *Lec Stanislav Ezhe. Neprichesannye mysli* [Unkempt thoughts]. SPb. Kristall. 2001. 173 p.
16. Mironov V. V., Sokuler Z. A. *Toska po istinnomu bytiju v digital'noj kul'ture* [Longing for true being in digital culture] // *Herald of the Moscow University. Ser. 7. Philosophy*. 2018. No. 1. Pp. 3–22.
17. *Postchelovek i postchelovechestvo: budushchee civilizacii ili ee konec? (Kruglyj stol) – Posthuman and Posthumanity: the future of civilization or its end? (Round table) / S. S. Horuzhiy [et al.] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Herald of the Moscow State Regional University*. 2016. No. 3. Pp. 1–75. DOI: 10.18384/2224-0209-2016-3-757. Available at: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/757> (date accessed: 11.10.2019).
18. Potapova A. *Smert' po vyzovu: chto govoryat ob evtanzii v Evrope* [Death on call: what they say about euthanasia in Europe] // *Metro*. 2020. January 20. Available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.metronews.ru%2Fkolumnisty%2Freviews%2Fsmert-po-vyzovu-chto-govoryat-ob-evtanzii-v-evrope-1633528%2F> (date accessed: 20.01.2020).
19. Samohvalova V. I. *Chelovek i tvorchestvo. Put' vzaimostanovleniya i vzaimorazvitiya* [Man and creativity. The way of mutual restoration and mutual development]. M. Novye avtory. 2018. 552 p.
20. Tagirov Z. I., Toropov B. A. *ID cheloveka: osnova mezhgosudarstvennogo numerovannogo ucheta naseleniya i identifikacii lichnosti v celyah modelirovaniya transnacional'nyh terroristicheskikh i ekstremistskikh setej* [Human ID: the basis of interstate numbered population accounting and identification for modeling transnational terrorist and extremist networks] // *Voprosy bezopasnosti – Security concerns*. 2017. No. 2. Pp. 86–103. DOI: 10.7256/2409-7543.2017.2.22708. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22708 (date accessed: 15.10.2019).
21. Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla : sbornik* [Man in search of meaning : collection] / transl. from English and German by D. A. Leontiev, M. P. Papush, E. V. Eidman. M. Progress. 1990. 368 p.
22. Chichibabin B. V. *Stihah i proze* [In verse and prose] / prep. L. S. Karas-Chichibabina, L. G. Frizman. M. Nauka. 2013. 567 p.
23. Jaspers K. [Mind and existence] / transl. from Germ. by A. K. Sudakov. M. Canon+ : ROOI "Rehabilitation". 2013. 336 p.
24. Díaz D., Boj C. *Artistic practices in the age of the datacene data biography: Digital traces to biographically explore personal identity* // *Artnodes*. 2019. No. 24. Pp. 121–133.
25. Hinds J., Joinson A. *Human and Computer Personality Prediction From Digital Footprints* // *Current Directions in Psychological Science*. 2019. No. 28 (2). Pp. 204–211.
26. Lefevre F. *Une heure avec Zamiatine* // *Les Nouvelles Littéraires*, 23 april 1932.
27. Virilio P. *The Information Bomb*. London: Verso, 2000. 145 p.